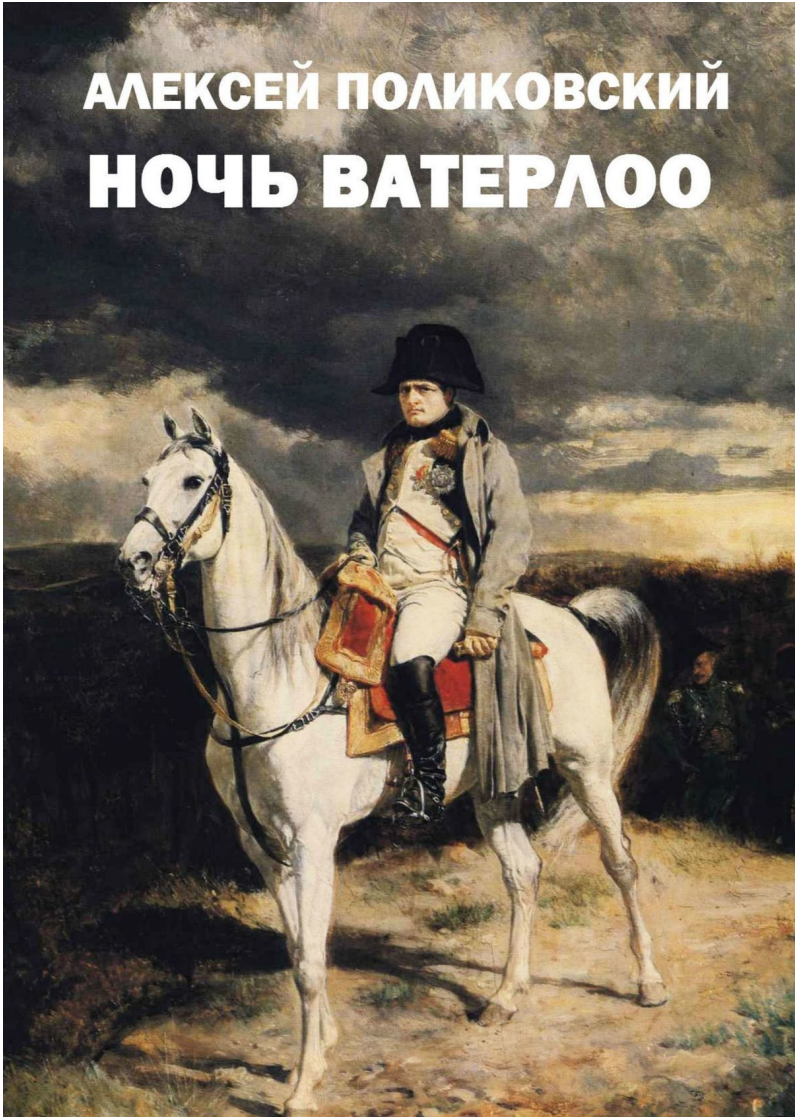
АЛЕКСЕЙ ПОЛИКОВСКИЙ

НОЧЬ ВАТЕРЛОО

Алексей Поликовский
Ночь Ватерлоо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9360481
ISBN 9785447406769

Аннотация

Новая книга Алексея Поликовского переносит нас на двести лет назад, в ту дождливую ночь, когда два полководца готовились столкнуть свои войска в битве за власть над Европой, и в тот день, когда на размокшем поле Ватерлоо погибли 45 000 человек. Эта книга об истории удивительно современна в наше время, все более набухающее тревогой и предчувствием войны. Написанная страстно и ярко, она камня на камне не оставляет от мифа о войне как романтическом, исполненном высокого смысле действе.

Содержание

1 6
2 13
3 16
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Ночь Ватерлоо

Алексей Поликовский

Иллюстратор Карл Штейнбен
Иллюстратор Орас Верне
Иллюстратор Леди Батлер
Иллюстратор Стэнли Беркелей
Иллюстратор Роберт Хоум
Иллюстратор Полковник Хеймс
Иллюстратор Роберт Александр Хиллингфорд
Иллюстратор Жан-Луи-Эрнест Месонье

© Алексей Поликовский, 2019
© Карл Штейнбен, иллюстрации, 2019
© Орас Верне, иллюстрации, 2019
© Леди Батлер, иллюстрации, 2019
© Стэнли Беркелей, иллюстрации, 2019
© Роберт Хоум, иллюстрации, 2019
© Полковник Хеймс, иллюстрации, 2019
© Роберт Александр Хиллингфорд, иллюстрации, 2019
© Жан-Луи-Эрнест Месонье, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4474-0676-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Вечером 17 июня 1815 года хозяин фермы Кайю, бельгийский крестьянин, имя которого мне неизвестно, бежал из своего дома, увидев в воротах фермы французских кавалеристов. Он бросил свой дом, свои сараи и амбары и ушел по обочине дороги. Война в то время еще не превратилась в тотальную, французы не расстреливали мирных жителей, хотя и грабили их. Англичане в этом смысле не отставали, армия Веллингтона в Испании не раз устраивала погромы и грабежи во взятых городах. Крестьянин ушел, потому что в нем был первичный, изначальный, древний страх мирного человека перед воинственными героями в ярких павлиньих мундирах. Он имел дело с косами, кастрюлями, банками, бочками, хмелем, пшеном, а они с пистолетами, саблями, порохом, палашами. Их громкие голоса, их горделивая повадка, когда они с прямыми спинами сидели в седлах, золотое шитье их мундиров, так непохожее на его простую серую одежду – все это было в его глазах страшное и бессмысленное нашествие чуждой силы, грозившей сломать его амбары и его жизнь. И он ушел, чтобы переждать нашествие на делянке в лесу или комфортно пересидеть его за кружкой густого темного пива в таверне.

Маленький человек – ну, Наполеон не был таким уж маленьким, его посмертный рост, измеренный доктором Ант-

оммарки, составлял 5 футов 2 инча 4 линии, что можно приравнять к 168 сантиметрам – со своим штабом, свитой, слугами и охраной вселился в дом ушедшего пить пиво крестьянина с той бесцеремонностью, с которой военные всегда захватывают чужое жилье, чужие вещи и распоряжаются чужой жизнью. О хозяине никто и не думал. Всадники спрыгивали с коней и, не вытирая сапог, шагали по чисто вымытому полу. Солдаты тащили из сарая охапки соломы, бросали их на мокрую землю и ложились, чтобы хоть немного поспать после ночного перехода и трех дней беспрерывного движения. Их длинные ружья стояли, опираясь штыками на дощатые стены сараев. Чьи-то ноги громко топали по лестнице, сотрясая ее до такой степени, что казалось, она сейчас рухнет. Это взбирались на второй этаж, к стропилам и крыше, к старой перине и к сену, к сумраку и короткому сну промокшие до последней нитки офицеры. Слуги орудовали на крестьянской кухне, гремели ножами, стучали колотушками, отбивая мясо, в общем, чувствовали себя на чужой кухне как дома. Слуга Наполеона Сен-Дени разжигал в камине огонь.

Вечером Наполеон сидел у ревущего огнем камина, а вокруг него, в разных углах комнаты, обставленной тяжелой, добротной мебелью начала Девятнадцатого века, сидели и полулежали его генералы и офицеры. Тут были генералы Оноре Рейль, Корбино, Друо, маршалы Ней и Сульт. Огромные пылающие поленья давали густое, расслабляющее тепло и колеблющийся свет. Окна были черны. Это был вечер пе-

ред битвой, очередной вечер Наполеона перед его очередной решающей битвой. Шел общий светский разговор. О завтрашнем дне не говорили, так же как не говорили о смерти, ранениях, ампутациях, пробитых головах, отрубленных руках, выбитых глазах и прочем военном ужасе – это был бы дурной тон. В обществе этих людей, готовых каждую минуту отправиться на тот свет, говорить о смерти считалось неприличным. Наполеон не был молчуном, он любил поговорить, любил хорошую, умную, светскую беседу, хотя и полагал, что искусство такой беседы после революции ушло безвозвратно.

Война тогда была делом, требовавшим от всех, в том числе и от императора, большой физической выносливости. Это была война без моторов, без крыльев, без железных дорог, все эти виды транспорта заменяли ноги. Правда, Журдан у Флерюса на заре революционных войн поднимал в воздух воздушный шар и вел с него разведку, но Наполеон всю свою жизнь отмахивался от технических усовершенствований, как от пустяков. Какие там воздушные шары и подводные лодки, склепанные из медных листов, когда можно просто взять да и изрубить пятьдесят тысяч человек! Высадившись с Эльбы, он первые ночи вместе с солдатами ночевал в чистом поле и по ночам грелся у огромного костра, рядом с которым ему ставили два стула. На одном он сидел, на другой клал ноги. Во время марша на Париж Наполеон отказывался ночевать в отелях, где его ждали мягкие кровати, и но-

чевал в префектурах, над которыми поднимали трехцветный флаг нации, а белый с лилиями флаг Бурбонов спускали. В прогресс медицины он тоже не очень-то верил. В глубоком кармане его серого сюртука всегда была коробка с конфетами, содержащими противную на вкус лакрицу – единственное лекарство от недомоганий, которое он признавал. Он не верил терапевтам, хотя всегда имел рядом с собой личного врача, и полагал, что как в сражении весьма ценна артиллерия, которая убивает наповал, так в лечении ранений ценна хирургия, которая радикально отрезает. Боль в боку этот странный человек лечил, растирая бок мягкой щеткой и массируя ладонью, смоченной в одеколоне, простуду излечивал верховой прогулкой, во время которой потел и таким образом выводил инфекцию из организма. Лучшим средством самолечения он полагал куриный бульон и пост. Долгие горячие ванны были его привычкой, он лежал в них по два часа, в то время как камердинер Маршан или слуга Сен-Дени подливали в ванну горячую воду из кувшинов; но это была роскошь мирного времени, а тут была война. На войне он, как и все, часто спал не раздеваясь и не снимая сапог, бывало, и на мокрой соломе в сараях с протекающими крышами. Но тут был крепкий, уютный бельгийский дом с камином.

Люди императора вынесли из соседней комнаты крестьянские комоды и поставили там разборное сооружение с высокими спинками. Это была знаменитая походная кровать Наполеона. Великие люди любят спать на жестких походных

кроватях, собачьих подстилках и даже просто на полу, завернувшись в плащ – все это якобы должно доказывать нам, сидящим в амфитеатре, их аскетическое величие. В одиннадцать вечера Наполеон попрощался с генералами и ушел спать. Но вряд ли он спал. Я полагаю, что радость глубокого и сладкого сна ему вообще никогда не была свойственна. Это не был полноценный глубокий сон, это было пребывание напряженного и обостренного сознания в пограничной зоне между светом и тьмой. Обычно ему хватало трех часов такого неглубокого, скользящего сна, и вот он снова на ногах. Он говорил, что каждая проблема лежит у него в голове в отдельном ящичке, и он открывает ящички и решает проблемы последовательно или попеременно. В ночь с 17 на 18 июня на ферме Кайю Наполеон вряд ли имел хотя бы и три часа сна. Маленький человек лежал на своей длинной походной каркасной кровати с высокими спинками и латунными шарами, под зеленым атласным одеялом, и вслушивался в шуршание дождя о крышу. Его мозг работал неустанно. Когда в полночь на ферму приехал запоздавший камердинер Маршан (его карета опрокинулась, и понадобилось время, чтобы вытащить ее из грязи), Наполеон тут же позвал его в свою комнату, чтобы спросить, что там на улице. Маршан отвечал, что на улице проливной дождь и страшная грязь.

В эту ночь внутреннее беспокойство съедало императора. В три часа утра, когда герцог Веллингтон в кромешной тьме и под проливным дождем верхом выехал на поле, чтобы

начинать расстановку войск, Наполеон, не вставая с кровати, вызвал к себе генерала Гурго (тридцать три года, высокий лоб, длинные бакенбарды до углов губ, боевой стаж десять лет, два ранения) и, лежа под зеленым одеялом, приказал генералу провести исследование почвы на предмет, выдержит ли она передвижение артиллерии. Гурго надел плащ и ушел в дождь. Полежав в темноте еще час, Наполеон вызвал к себе генерала Друо и отдал ему такое же приказание. Ответы Гурго и Друо сходились: почва размякла, пушки завязнут. Не было никаких оснований им не доверять: один был профессором фортификации, другой лучшим артиллерийским офицером Великой армии. Поэтому Наполеон остался в кровати и лежал до тех пор, пока за окном не начало светать. Это было в шестом часу утра. Тогда он встал и приступил к туалету, который представлял собой один и тот же ритуал, независимо от того, происходило дело в роскоши Тюильри или в крестьянском доме в Бельгии. Стоя раздетым до пояса, он обтер свой заплывший жиром торс холодной водой, в которой было разбавлено немного одеколона, и окунул лицо в широкую серебряную чашу, которую ему с почтительным и серьезным видом поднес Маршан. Бреясь, он смотрел в окно и видел, что тучи быстро расходятся. Но крупные дождевые капли еще ползли по окну и стучали по крыше. Было слишком рано, чтобы что-либо предпринимать, и Наполеон просто ходил туда и сюда по маленькой квадратной комнате, заложив свои короткие руки

за спину, с сосредоточенным и задумчивым лицом. Движение его мысли в эти часы нам интересно было бы проследить, но человеческая мысль, как прежде и как сейчас, оказывается недоступна для наблюдения. Потом он взял ножницы и с тем же отсутствующим видом принялся стричь ногти. Скорее всего, ранним свежим утром, расхаживая от одной стены до другой, он мысленно исследовал четыре километра английской позиции. Он ощупывал линии, точным артиллерийским глазомером определял расстояния и закладывал всю эту географию в ту часть своего бодрого и мало спящего мозга, которой сегодня предстояло принимать решения. Маршал Сульт, начальник штаба, в синем мундире, с золотыми эполетами, с черной треуголкой, прижатой локтем к боку, почтительно приносил в комнату записки от генерала Груши, шедшего вслед за Блюхером; Наполеон уделял им не много внимания и не на все отвечал.

Голова его работала отлично. Или ему так казалось. Никакого временного замутнения сознания, преодолеваемого крепким кофе и постепенным наращиванием внутренней энергии, Наполеон не знал. Просыпаясь, он в то же мгновенье был свеж и всегда имел ясную, включенную в обстоятельства дня голову. Такова тайна сознания, роднящая его с кошками и волками.

2

Возможно реконструировать битву, как это делают на поле Ватерлоо волонтеры из разных стран, но невозможно реконструировать то, что происходило в голове у невысокого мужчины с округлыми формами начавшего толстеть тела. Это, кстати, совсем не было признаком вялости души или ущерба, причиняемого возрастом; сам он однажды сказал, что полнеет от переживаний. Вся его жизнь была огромным количеством сдавленных, спрессованных, интенсивных переживаний, в которых, однако, как вообще в переживаниях любого политического деятеля, было мало естественного. Можно предположить, что Наполеон, постоянно и ревниво думавший о своем месте в истории, этим утром размышлял о том, что колесо, потратив на большой оборот двадцать с лишним лет, снова прикатилось в начальную точку. Сюда, в Бельгию, начиная долгую эпоху войн, вторглась французская революционная армия под командованием генерала Дюмурье, а Наполеон был тогда никому неизвестным артиллерийским лейтенантом, писавшем по утрам трактаты; теперь же генерал Дюмурье жил в Англии на английскую пенсию, а бывший лейтенант шел по его маршруту в ореоле своих шестидесяти побед. Но правомочно ли сравнение истории с колесом? С чем вообще можно сравнить историю, которая однообразна, склонна к повторениям и насмешкам над все-

ми участвующими в ней лицами, пропитана грязью и подлостью и вообще представляет из себя кровавое месиво, украшенное плюмажами и виньетками?

Двадцать три года назад армия генерала Дюмурье ворвалась в Бельгию, безумная армия сдвинувшейся с места, поехавшей разумом, впавшей в ярость тираноборства, голодной, натянувшей санкюлотские штаны и колпаки страны. Это была армия пылавших высокими чувствами волонтеров, которые записывались на войну на площадях Парижа и маршевыми колоннами отправлялись на север, в военные лагеря, где профессионал Дюмурье за месяц превращал необученных жителей предместий Сент-Антуан и Сен-Марсо в солдат. Это была армия Республики, казнившей короля и не раскаявшейся в этом, как того требовал герцог Брауншвейгский в своих прокламациях. Брауншвейгский герцог, генерал старой прусской школы, грозил уставить Францию виселицами и сжечь каждый ее город, в котором священным королевским особам будет нанесен хоть какой-нибудь урон. Прокламации надменного пруссака не испугали, а зажгли Францию. В ответ Республика провела мобилизацию, и все кузнецы ковали пики, и все оружейные мастерские день и ночь изготовляли ружья, и миллион человек – каждый двадцать пятый в стране – встал под ружье. Под Жемаппом добровольцы Дюмурье шли на правильные ряды австрийцев с дружным пением «Марсельезы».

Франция была страна, дошедшая до черты.

Был доведенный до края народ и был гнев, когда в затмении ума и души остается только рубить головы. И рубить. И рубить.

Что такое пушки Наполеона, как не продолжение гильотины?

Бессмысленное, сорвавшееся с цепи, оправдывающее себя надуманными предлогами и явной ложью, бьющее направо и налево слепое убийство.

Возвращение Наполеона с Эльбы. Встреча с 7 полком линейной пехоты под Греноблем. Художник Карл Штейнбен.

3

Теперь, двадцать два года спустя, французская армия снова ворвалась в Бельгию в стремительном походе, торопясь разделаться с Веллингтоном и Блюхером раньше, чем подойдут австрийцы и русские. Это были те же синие мундиры, те же трехцветные знамена и острые штыки, те же, да не те. Теперь это была армия изнуренной, замученной многолетними войнами и нехваткой хлеба Франции, которая странным образом и как бы против собственной воли мутировала из Республики в Империю. За спиной этой бодро маршировавшей армии не было больше одержимой революционным безумием страны. Они теперь не пели «Марсельезу», не пылали республиканской доблестью, не верили в свободу, но они по-прежнему чувствовали себя избранным народом, который их вождь вел на очередной подвиг. Свершилась подмена, армия свободы превратилась в армию тирана, освободительный поход в кровавую историю без цели и конца. Цезарь с легионами прошел от Египта до Британии, а Наполеон с дивизиями и корпусами от Мадрида до Москвы. Что толку в этих прогулках, кроме утоленного тщеславия и награбленных картин? Потом, на острове изгнания, Наполеон недаром будет диктовать Гурго и Лас-Казу анализ кампаний Цезаря – он полагал себя равным Цезарю в жизненном деле, и ему это очень нравилось. А что нравилось всем

остальным?

Трудно, очень трудно понять эту армию. В ней катастрофически не хватало лошадей, все поголовье лошадей погибло в России. Иногда Наполеону приходили в голову странные и близкие к отчаянным мысли, например, использовать благородных выездных лошадей для того, чтобы таскать пушки. Армия была вооружена устаревшими и ненадежными ружьями – у англичан ружья были лучше. Она уже не была одушевлена якобинскими идеалами всеобщего счастья, достигаемого через террор, который Марат точно описывал в цифрах: счастье наступит, если 260 тысяч аристократов отправить на тот свет. Она состояла из людей, которые уже пережили три конституции, тысячи казней, десятки битв, обещавших мир, а породивших новые десятки битв, новый календарь, религию Разума, череду переворотов, парад казнокрадов, торжество лжецов и циников – и вряд ли верили в счастье с той силой и искренностью, с какой верили двадцать два года назад молодые солдаты Дюмурье. Эта армия уже не состояла из мускулистых бойцов, которые наносили на предплечья татуировку «Смерть королям!». У французского народа, вступившего в эпоху войн с лозунгами свободы, был теперь свой собственный тиран в сером сюртуке, который разменял все республиканские идеалы на мелочь династических браков. И все-таки почему-то боевой дух армии, вступившей в Бельгию, был высок. Может быть, потому, что французы тогда еще не пили абсент, хотя в кафе

они тогда уже сидели, а может, потому, что политики ловким трюком умеют принудить людей к героизму, убеждая их, что другого выбора нет.

Под проливным дождем всю ночь с 16 на 17 июня французская армия шла к полю у деревни Ватерлоо. Утро не принесло солнца, дождь продолжался. Семьдесят тысяч человек ночевали в лесах, на обочинах дорог, в сараях, на траве и в соломе. Вымокшие насквозь, утром они батальонами и дивизиями в четком порядке выдвигались на поле, имевшее четыре километра в ширину. Посредине поля мирно белели дома фермы Ла-Э-Сент, оставленной жителями, сбоку так же мирно краснели строения замка Угумон, тоже покинутого владельцами. В замке размещались английские гвардейцы и пехотинцы из Нассау, предусмотрительно посланные Веллингтоном и сейчас запиравшие двое ворот и прилаживавшие длинные ружья на подоконники. Поле было, пожалуй что, тесным для предстоящего дела, Бородинское поле имело десять километров в ширину, а битва при Лейпциге и вовсе разворачивалась на огромных пространствах. Но у маленького человека в сером сюртуке с годами развивалась мания концентрации войск, мания сгущения сил и создания плотности. Он сдавливал войска в короткие пространства, утяжеляя удар, гуще замешивал кошмар резни, уплотняя боевые порядки. Этим усталым от переходов последних трех дней и двух битв, прошагавшим Бельгию пешком, вымокшим насквозь людям – мундиры сохли, дымясь

на телах, с киверов за шиворот лились струи воды – сейчас предстояло атаковать противника, развернувшегося в образцовом порядке на другом конце поля. Они видели красные длинные цепи на холмах перед собой и маленькие пушки с приподнятыми дулами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.